

УДК 821:001.8+008

НАРРАТИВНЫЕ ТАКТИКИ А.И.СОЛЖЕНИЦЫНА В ПОВЕСТИ «РАКОВЫЙ КОРПУС». К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЕТОДА ПИСАТЕЛЯ

© 2016 И.Ю.Кудинова

*Кудинова Иветта Юрьевна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы
Института филологии и журналистики. E-mail: ivkudinova@yandex.ru*

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н.Г.Чернышевского, Саратов, Россия

Статья поступила в редакцию 21.06.2016

«Раковый корпус» – воплощение отдельного этапа жизни и мысли писателя – свидетельствует о процессе формирования художественного метода Солженицына. Нарративную стратегию определяет главное стремление автора – показать реальную жизнь в ее многообразии, «*видеть, слышать, убрать встроенную ложь*». В рамках замкнутого хронотопа больничной палаты сталкиваются персонажи, принадлежащие к самым разным слоям действительности: их судьбы, идеи, нравственно-философские искания. Так возникает объемная художественная панорама, противопоставленная типизирующим нарративам соцреалистических романов. При этом, по существу, «Раковый корпус» не является полифонией со множеством «самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний» или даже «перцептивных миров». Раскрывая полноту жизни, писатель не наделяет героев независимыми голосами; свободно монтируя ограниченные точки зрения, формирует собственную аксиологическую систему; создавая различные нарративные плоскости, наполняет их субъективным содержанием.

Вывод: Стремясь передать жизнь в ее многообразии, писатель талантливо создает объемную художественную структуру. Многоголосие Солженицына как художественный метод является попыткой возразить системе и литературной доминанте советской эпохи. Жанровая типология полифонического романа только начинает формироваться.

Ключевые слова: Художественный метод А.И.Солженицына, нарративная стратегия, аксиологическая система.

В интервью 1967 г. с Павлом Личко А.И.Солженицын отметил: «Какой литературный жанр считаю наиболее интересным? Полифонический роман, точно определенный во времени и пространстве. Без главного героя. Автор романа с главным героем поневоле больше внимания и места уделяет именно ему. А как я понимаю полифонизм? Каждое лицо становится главным действующим лицом, когда действие касается именно его. Тогда автор ответствен сразу пусть даже за тридцать пять героев. Он никому не дает предпочтения. Каждое созданное им лицо он должен понять и обосновать его действия. Именно таким методом я написал две книги и намерен написать еще одну» [1]. С 1970-х гг. (в зарубежной критике) и до настоящего момента проблема нарративных тактик как одна из ключевых проблем поэтики Солженицына не раз оказывалась в центре внимания исследователей, изучающих полифоническую организацию текстов автора: «А.И.Солженицын сознательно воспроизводит архитектуру полифонического романа, причем

воспроизводит логическую структуру, созданную М.Бахтиным, – у Достоевского она не столь логична и не так жестко сконструирована, как у Бахтина» [2]. Если отвлечься от очень широкого понимания и употребления термина *полифонизм* [3] и сосредоточиться исключительно на повествовательной форме – можно выявить следующую закономерность: вектор анализа традиционно направлен на поздние произведения Солженицына. Таким образом, полученные выводы ретроспективно транспонируются на более ранние тексты и (с некоторыми замечаниями) на метод писателя в период 1960-х гг. В работах В.Краснова, П.Спиваковского, Ю.Мешкова, Ж.Нивы, А.Урманова, Т.Киносита, И.Кукулина и др. описаны принципы построения романа «В круге первом», художественного исследования «Архипелаг ГУЛАГ», эпопеи «Красное колесо». Исследование нарративных тактик в повести «Раковый корпус» ограничено анализом отдельных эпизодов и общими заключениями: «...в повести ... полифоническое начало проявляется намного интенсивнее»

(чем в романе «В круге первом». – И.К.) [4], «Раковый корпус» – полифонический цикл [5], писатель «беспристрастно входит во внутренний мир своих героев и оставляет читателю право самому решить, где лежат симпатии и антипатии автора» [6]. Однако структура повествования в произведении должна быть рассмотрена более обстоятельно.

«Раковый корпус» – воплощение отдельного этапа жизни и мысли писателя – свидетельствует о процессе формирования художественного метода Солженицына. Нарративную стратегию определяет главное стремление автора – показать реальную жизнь в ее многообразии, «*видеть, слышать, убрать встроенную ложь*». В рамках замкнутого хронотопа больничной палаты сталкиваются персонажи, принадлежащие к самым разным слоям действительности: их судьбы, идеи, нравственно-философские искания. Так возникает объемная художественная панорама, противопоставленная типизирующим нарративам социалистических романов. При этом, по существу, «Раковый корпус» не является полифонией со множеством «самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний» [7] или даже «перцептивных миров» [8]. Раскрывая полноту жизни, писатель не наделяет героев независимыми голосами; свободно монтируя ограниченные точки зрения, формирует собственную аксиологическую систему; создавая различные нарративные плоскости, наполняет их субъективным содержанием.

Важнейшей повествовательной стратегией «Ракового корпуса» является целенаправленное уплотнение реального биографического опыта автора. Художественное целое наполнено кристаллизованными впечатлениями, воспоминаниями, деталями, языковыми портретами. В 1964 г. Солженицын специально отправился в Ташкент, чтобы еще раз пообщаться с врачами, уточнить подробности биографий, тонкости онкологической практики, затем вел личную переписку с И.Е.Мейке и Л.А.Дунаевой. Реальный контекст явно воплотился в образах врачей Людмилы Афанасьевны Донцовой, Веги, Льва Леонидовича, Евгении Устиновны [9]. Прототипичны образы Кадминых, Зои, Вадима Зацырко, Демы, Сибгатова, Азовкина и других героев.

В некоторых эпизодах субъективные переживания автора так плотно включены в нарративное поле персонажа, что выявляются только при анализе публицистики и личной переписки Солженицына. Например, вторая часть повести начинается с письма Олега Костоглотова супругам Кадминым: «Вот вам загадочная картинка, что это и где? На окнах – решетки... В комнатах – койки с

постельными принадлежностями. На каждой койке – перепуганный человек. С утра – пайка, сахар, чай (нарушение в том, что еще и завтрак)... Днем "дергают" поодиночке – на беседы с должностными лицами, на процедуры, на свидания с родственниками. Шахматы, книги. Приносят и передачи, получившие – гужуются с ними» [10]. Голос Костоглотова не просто имплицитно включает авторские компетенции. Солженицын текстуально вводит в нарративную структуру повествования собственную переписку с Н.И.Зубовым: «Изо дня в день одна и та же комната и скрещенные прутья за стеклами (такая уж мода в Ташкенте). В определенные часы подъем и отбой... Напуганные, расспрашивающие новички. С утра – пайка, сахар, чай – нарушение в том, что еще и завтрак. Обход утренний и вечерний. Днем "дергают" на процедуры... Шахматы, книги» [11].

Документальность проникает во все слои повествования, широко распространяясь. В конце XI главы Костоглотов, стоя на крыльце диспансера, слышит доносящуюся из парка музыку. Это Четвертая симфония Чайковского, мелодия «(Олег истолковывал ее так), где герой, то ли вернувшись к жизни, то ли быв слепым и прозревающий, – как будто нащупывает, скользит рукою по предметам и дорогому лицу – ощупывает и боится верить своему счастью: что предметы эти вправду есть, что глаза его начинают видеть» (135). Этот пассаж не просто образно-метафоричен, на самом деле в нем автор доверяет герою личную перцепцию, свидетельство которой находим в заметках 1958 г.: «Я сейчас врываюсь в 4-ю симфонию Чайковского... В 1-ой части я нахожу особенную тему счастья – счастья неуверенного прозревания (как будто ощупью гладишь лицо дорогого человека, еще не веря, что начинаешь видеть его глазами) или неуверенного возврата к жизни или переступа через порог свободы – гениальная мелодия!» [12] Это особая нарративная тактика – включение документа переживания, документа чувства. Именно в узловых эпизодах «сгущенная» реальность восходит к символу. Майкл А.Николсон замечает: «Самые значимые моменты текста возникают как следствие повышенной плотности опыта» [13].

Концентрация и взаимопроникновение документального и художественного начал обуславливают стремление исследователей придать особую идейно-смысловую нагрузку нарративу, аллюзивно связанному с рядовым случаем из жизни. Концепция В.Краснова, который рассматривает «Раковый корпус» в контексте типологии жанра мениппова сатира, представляется спорной: «Солженицын широко применяет в повести такие

мениппейные приемы, как ирония, сарказм и пародия ... маскарад (сцена в доме культуры, когда Зоя расстроилась до слез из-за того, что ей отрезали "великолепный" обезьяний хвост)» [14]. В действительности, писатель провел новогоднюю ночь на 1 января 1954 г. в комнате отдыха на вокзале, где он стал свидетелем разговора о балет-маскараде и злой шутке танцующих – вероятно, решил включить этот эпизод в повесть.

Нарративная организация текста неоднородна: включаются письма, вставная новелла о Китоврасе, интертекстуальные отсылки к классической и советской литературе. Художественное время и пространство максимально уплотняют повествовательную форму. Полнота жизни в «Раковом корпусе» – это также многообразие идейных комплексов, носителями которых выступают различные персонажи. Важнейшее стремление автора – исследовать состояние души человека на пороге смерти. Катализатором нравственно-философских размышлений становится толстовский вопрос «Чем люди живы?»: «Довольствием. Продуктовым и вещевым», «Зарплатой, чем!», «Квалификацией», «Родными местами... Чтоб жить, где родился», «...идейностью и общественным благом», «Живы чем? ... любовью» (95–97). Солженицын испытывает каждую из этих идей характером конкретного человека, поэтому возникает ряд ограниченных фокальных точек зрения. Автор проникает в сознание персонажа и, используя несобственно-прямую речь, описывает диспансер его глазами и словами. Например, взгляд Русанова: «Сердце его забилось, и еще не от подъема совсем. Он всходил по ступенькам, как всходят на этот, на как его <...> ну, вроде трибуны, чтобы там, наверху, отдать голову... Переходя порог, Павел Николаевич ощутил влажно-спертый смешанный, отчасти лекарственный запах – мучительный при его чуткости к запахам» (14). Однако персонажи в повести не являются вполне независимыми героями-идеологами, их образы во многом даны «извне» и наделены разным объемом. Образ Шулубина значим в контек-

сте общественно-философских идей, появление нравственного начала важно в образе Ефрема Поддубева, для создания образов Русанова и Авиеты используются сатирические тактики. Монтаж фрагментов индивидуальных сознаний создает ощущение многоголосия. Нарративная самостоятельность героев минимизируется со сменой точки зрения на ауториальную.

В «Раковом корпусе» велико значение интонации недигетического нарратора. Позиция Солженицына дистанцирована, если не до уровня «нулевой» точки зрения, то до уровня автора, который корректирует повествовательные линии героев иронией, опережающими высказываниями. Писатель сознательно подчеркивает свое отчуждение от центрального персонажа Олега Костоглотова: «в биографии, в уровне интересов и в направлении интересов я старался отдалиться» [15]. Собственно авторское присутствие эсплицировано в повести значительно ярче, чем в поздних произведениях. Пробуя различные стратегии, нарратор вступает в острую полемику с идеологизированным словом Русанова, воспеваает феномен жизни в описании улочек весеннего Ташкента и цветущего дерева урюка, сопереживает страданиям и боли раковых больных, отстаивает онтологическую свободу человека, его право выбирать, внутреннюю потребность человека стать причастным вечным частицам добра.

Итак, в процессе работы над повестью «Раковый корпус» в начале 1960-х гг. жанровая типология полифонического романа только начинает формироваться. Стремясь передать жизнь в ее многообразии, писатель талантливо создает объемную художественную структуру. Многоголосие Солженицына как художественный метод является попыткой возразить системе и литературной доминанте советской эпохи. Об этом писал Б.Перселл: «В ходе лечения полифонический роман должен был стать средством пробуждения и восстановления (путем припоминания) экзистенциальной сущности личности в сократовском или христианском духе» [16].

1. Цит. по: Перселл, Б. Преодоление Солженицыным экзистенциального беспамятства с помощью личного, общественного и исторического припоминания // Солженицын: Мыслитель, историк, художник. Западная критика, 1974–2008: Сб. ст. М., Русский путь, 2010. С. 459.
2. Захаров, В. О глубинных совпадениях Солженицына и Достоевского // Между двумя юбилеями. М., Русский путь, 2005. С. 410–411.
3. См. подробнее: Урманов, А.В. Художественное мироздание Александра Солженицына. М., Русский путь, 2014. С. 337–343.
4. Спиваковский, П. Полифоническая картина мира у Ф.М.Достоевского и А.И.Солженицына // Между двумя юбилеями. М., Русский путь, 2005. С. 420.
5. Нива, Ж. Солженицын: борец и писатель. СПб., Вита Нова, 2014. С. 166.

6. Краснов, В. Солженицын и Достоевский: искусство полифонического романа. М., Б.и., 2012. С. 141.
7. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., Изд-во Советский писатель, 1963. С. 6.
8. Спиваковский, П. Полифоническая картина мира у Ф.М.Достоевского и А.И.Солженицына... С. 421.
9. См. подробнее: Кудинова И.Ю. Образы врачей в повести А.Солженицына «Раковый корпус»: факты и вымысел // Филологические этюды: Сб. науч. ст. молодых ученых. Вып. 16. Кн. 1. Саратов, изд-во Сарат. ун-та, 2013. С. 87–90.
10. Солженицын, А.И. Раковый корпус // Солженицын А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. III. М., Изд-во Время, 2012. С. 251. В дальнейшем цитируется это издание, страницы указываются в скобках.
11. Цит. по: Радзишевский, В. Комментарии // Солженицын А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. III. М., Изд-во Время, 2012. С. 520.
12. Радзишевский, В. Комментарии... С. 500.
13. Николсон, М.А. Солженицын как социалистический реалист // Солженицын: Мыслитель, историк, художник. Западная критика, 1974–2008: Сб. ст. / сост. и авт. вступ. ст. Э.Э.Эрикссон, мл.; коммент. О.Б. Василевской. М., Русский путь, 2010. С. 488.
14. Краснов, В. Солженицын и Достоевский:.... С. 153.
15. Стенограмма расширенного заседания бюро творческого объединения прозы московской писательской организации СП РСФСР // Слово пробивает себе дорогу: Сб. статей и документов об А.И.Солженицыне. 1962–1974. М., Русский путь, 1998. С. 294.
16. Перселл, Б. Преодоление Солженицыным экзистенциального беспамятства.... С. 460.

Narrative Tactics of A.I.Solzhenitsyn in the Short Novel "The Cancer Pavilion". A Problem of Formation of the Author's Writing Techniques

© 2016 I.Yu.Kudinova

Ivetta Yurevna Kudinova, postgraduate student of the Department of Russian and Foreign Literature of Institute of Philology and Journalism. E-mail: ivkudinova@yandex.ru

Saratov National Research State University named after N.G.Chernyshevsky

"The Cancer Pavilion", the embodiment of a separate stage of the writer's life and thought, demonstrates a process of formation of Solzhenitsyn's writing techniques. Narrative strategy is determined by the main aspiration of the author – to show real life in its variety, "to see, hear, clean the built-in lie". The characters belonging to the most different layers of reality face each other within the closed chronotope of hospital chamber: their destiny, ideas, moral and philosophical strivings. So there is a dimensional panorama opposed by the typifying narrative of socialist realism novels. At the same time "The Cancer Pavilion" is not polyphony with a set of "independent and nonconfluent voices and consciousnesses" or even "the perceptual worlds". Disclosing fullness of life, the writer does not endue heroes with independent voices. He edits the limited points of view, forms his own axiological system creating various narrative surfaces filling them with subjective content.

Conclusion: Trying to depict life in its variety, the writer creates dimensional literate structure skillfully. Polyphony of Solzhenitsyn as a writing technique is an attempt to oppose the system and a literary dominant of the Soviet era. The genre typology of the polyphonic novel is in the beginning of its formation.

Keywords: Writing technique of A. I. Solzhenitsyn, narrative strategy, axiological system.

1. Tsit. po: Persell, B. Preodolenie Solzhenitsynym ekzistentsial'nogo bespamiatstva s pomoshch'iu lichnogo, obshchestvennogo i istoricheskogo pripominaniia (Solzhenitsyn's overcoming of existential unconsciousness by means of personal, public and historical remembering) // Solzhenitsyn: Myslitel', istorik, khudozhnik. Zapadnaia kritika, 1974–2008: Sb. st. M., Russkii put', 2010. S. 459.
2. Zakharov, V. O glubinykh sovpadeniiakh Solzhenitsyna i Dostoevskogo (About deep coincidences of Solzhenitsyn and Dostoyevsky) // Mezhdru dvumia iubileiami. M., Russkii put', 2005. S. 410–411.
3. Sm. podrobnee: Urmanov, A.V. Khudozhestvennoe mirozhdanie Aleksandra Solzhenitsyna (Art universe of Alexander Solzhenitsyn). M., Russkii put', 2014. S. 337–343.
4. Spivakovskii, P. Polifonicheskaia kartina mira u F.M.Dostoevskogo i A.I.Solzhenitsyna (Polyphonic picture of the world in F. M. Dostoyevsky and A.I.Solzhenitsyn' works) // Mezhdru dvumia iubileiami. M., Russkii put', 2005. S. 420.
5. Niva, Zh. Solzhenitsyn: borets i pisatel' (Solzhenitsyn: fighter and writer). SPb., Vita Nova, 2014. S. 166.
6. Krasnov, V. Solzhenitsyn i Dostoevskii: iskusstvo polifonicheskogo romana (Solzhenitsyn and Dostoyevsky: art of the polyphonic novel). M., B.i., 2012. S. 141.
7. Bakhtin, M.M. Problemy poetiki Dostoevskogo (Problems of poetics of Dostoyevsky). M., Izd-vo Sovetskii pisatel', 1963. S. 6.

8. Spivakovskii, P. Polifonicheskaia kartina mira (Polyphonic picture of the world in F.M.Dostoyevsky and A.I.Solzhenitsyn works).... S. 421.
9. Sm. podrobnee: Kudinova I.Iu. Obrazy vrachei v povesti A.Solzhenitsyna «Rakovyi korpus»: fakty i vymysel (Images of doctors in the story A.Solzhenitsyna "The Cancer Pavilion": facts and fiction) // Filologicheskie etiudy: Sb. nauch. st. molodykh uchenykh. Vyp. 16. Kn. 1. Saratov, izd-vo Sarat. un-ta, 2013. S. 87–90.
10. Solzhenitsyn, A.I. Rakovyi korpus (The Cancer Pavilion) // Solzhenitsyn A.I. Sobr. soch.: V 30 t. T. III. M., Izd-vo Vremia, 2012. S. 251. V dal'neishem tsitiruetsia eto izdanie, stranitsy ukazyvaiutsia v skobkakh.
11. Tsit. po: Radzishhevskii, V. Kommentarii (Comments) // Solzhenitsyn A.I. Sobr. soch.: V 30 t. T. III. M., Izd-vo Vremia, 2012. S. 520.
12. Radzishhevskii, V. Kommentarii (Comments) S. 500.
13. Nikolson, M.A. Solzhenitsyn kak sotsialisticheskii realist (Solzhenitsyn as a socialist realist) // Solzhenitsyn: Myslitel', istorik, khudozhnik. Zapadnaia kritika, 1974–2008: Sb. st. / sost. i avt. vstup. st. E.E.Erikson, ml.; komment. O.B. Vasilevskoi. M., Russkii put', 2010. S. 488.
14. Krasnov, V. Solzhenitsyn i Dostoevskii (Solzhenitsyn and Dostoyevsky):.... S. 153.
15. Stenogramma rasshirennogo zasedaniia biuro tvorcheskogo ob"edineniia prozy moskovskoi pisatel'skoi organizatsii SP RSFSR (Shorthand report of enlarged meeting of the creative prose union of Moskow writers' organization the Union of Writers of RSFSR) // Slovo probivaet sebe dorogu: Sb. statei i dokumentov ob A.I.Solzhenitsyne. 1962–1974. M., Russkii put', 1998. S. 294.
16. Persell, B. Preodolenie Solzhenitsynym ekzistentsial'nogo bespamiatstva (Solzhenitsyn's overcoming of existential unconsciousness).... S. 460.